Приложение к № 12 газеты «Великолукская правда»

«Отцы и дети»: чего я зря не замечал в романе, когда читал его в школе

Продолжаю перечитывать русскую классику из школьной программы. Сейчас вот разобрался с «Отцами и детьми» Тургенева, их изучают в десятом классе. Естественно, сейчас, на шестом десятке, я увидел в этом романе совсем не то, что видел в шестнадцать лет, и уж тем более не то, чему меня в шестнадцать лет учили в школе.

Некоторыми мыслями мне хочется поделиться - причем как с подростками, которые проходят «Отцов и детей», так и со взрослыми людьми, которые, отталкиваясь от тургеневского романа, могут задуматься о вещах важных, не устаревающих.

На всякий случай - дисклеймер: я не претендую подменить своей статьей школьную программу по литературе. Собственно литературоведческие моменты, художественные особенности, вписанность «Отцов и детей» в тургеневское творчество, в историко-литературный контекст той эпохи и так далее - всего этого я касаться не буду. Для меня сейчас «Отцы и дети» - не более чем повод поговорить о некоторых значимых мировоззренческих темах.

Спор Павла Кирсанова с Базаровым

НИГИЛИЗМ И НИГИЛИСТЫ

Базаров (как и его младший приятель Кирсанов) именуют себя «нигилистами», от латинского nihil, то есть ничто. Вот как они формулируют суть своих убеждений: *«Нигилист - это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип».*

Звучит весьма соблазнительно, особенно для молодежи, потому что здесь работает понятный психологический механизм: взрослея, человек дистанцируется от родителей не только социально, но и эмоционально. Это отчуждение (как правило, временное) служит защитным механизмом психики, смягчает разрыв с родительской семьей. Некоторые ученые полагают, что это работает еще с древнейших, доисторических времен. Но поскольку человек - это все же не обезьяна, то такое эмоциональное отчуждение обязательно должно быть как-то осмысленно, получить какое-то рациональное обоснование. Отсюда и отрицание авторитетов и принципов, поскольку это *взрослые* авторитеты и *взрослые* принципы.

Именно этот психологический механизм работает у Евгения Базарова и особенно у совсем еще мальчика Аркадия Кирсанова. Из текста видим, что молодым нигилистам постоянно хочется эпатировать старшее поколение, «троллить», как сейчас бы сказали. Во времена моей молодости Базарова могли бы назвать «интеллектуальным панком» - хаер не дыбом, грязь кусками не отваливается, а эффект тот же самый.

И, разумеется, такое свойственно любой эпохе, в том числе и нашей. Молодежь отвергает мнения старших не только по мировоззренческим, но и по психологическим причинам. Если это обстоятельство учитывать, то пресловутый конфликт «отцов» и «детей» можно если и не разрешить, то существенно снизить его градус.

Но о нигилизме можно поговорить и по существу, уже безотносительно личностных особенностей нигилистов. Есть ли в самой их идее некая правда? Безусловно, есть. Слепое, нерассуждающее принятие любых авторитетов, согласие с любыми устоявшимися мнениями убивает мышление. На выходе получаем или фанатика со взором горящим, или приспособленца вроде грибоедовского Молчалина.

В чем неправда нигилизма? В абсолютизации этого отрицания авторитетов. Потому что человеческое мышление так устроено, что должно от чего-то отталкиваться. Как математик по образованию, скажу, что любая математическая теория строится на двух вещах: во-первых, это аксиомы (утверждения, принимаемые за основу, без доказательств), а во-вторых, так называемые «правила вывода», то есть способы работы с этими аксиомами. И это в математике, которая у всех ассоциируется с необходимостью доказывать всё и вся. Тем более это касается всего остального, где такая строгость рассуждений не требуется.

На первый взгляд, нигилизм может казаться похожим на научное мышление. Оно ведь тоже основано на том, что ничего не принимается слепо на веру, любое утверждение должно быть обосновано. Наука - это ведь не только совокупность конкретных знаний, но и методология, то есть способы добывания знаний. И основной способ, во всяком случае, в естественных науках, называется «верификацией», то есть проверкой. Ученый поставил какой-то эксперимент и получил новые результаты? И что дальше? Безоговорочно верим ему, ведь он академик? Да ничего подобного! Проводим этот же эксперимент в других лабораториях, сравниваем результаты, и только если они многократно подтвердятся, заносим новое знание в нашу копилку.

Приезд Базарова домой

Тем не менее научное познание все-таки основано на принципах, не подвергаемых сомнению. Например, на убежденности, что мир принципиально познаваем человеческим разумом, что мир действительно существует, а не является иллюзией, сном. Принцип верификации результатов - это ведь тоже принцип, а есть и сформулированный уже в XX веке принцип фальсификации (в двух словах: если научная теория так построена, что в ее рамках можно обосновать вообще абсолютно всё, то это что угодно, но не научная теория).

Нигилизм, таким образом, науку бы уничтожил. Сомневаться во всём значило бы, что мысль ученого буксует на месте. Не приняв что-то как установленный факт, невозможно двигаться дальше. А чтобы принять это что-то за установленный факт, нужно быть уверенным в тех инструментах, с помощью которых этот факт установлен.

В науке отрицается не всё на свете вообще, а только избыточные ограничения мысли, отрицаются человеческие мнения, не подкрепленные доказательствами. Хрестоматийный пример - где-то у Аристотеля говорилось, что у насекомых восемь ножек, и веками это принималось на веру, поскольку авторитет Аристотеля был огромен. Пока кому-то не пришло в голову поймать кузнечика или муху и посчитать ножки. Вот такую слепую веру наука отвергает.

Кстати, возвращаясь все же к роману, замечу, что главный нигилист Базаров вовсе не претендует уравнивать свое мировоззрение с научным: *«Я уже доложил вам, что ни во что не верю и что такое наука - наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, знания, а наука вообще не существует вовсе».*

РЕВОЛЮЦИОНЕР?

Во времена моей школьной юности нам говорили, что в образе Базарова Тургенев описал грядущего человека-революционера. Мол, нигилизм - это подготовка к решительному политическому переустройству общества, и Базаров - предтеча такого переустройства.

Надо сказать, что некоторые намеки на это в тексте романа действительно есть.

«- Однако позвольте, - заговорил Николай Петрович. - Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.

- Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить».

Расчистить место - для чего? Для революционного переустройства? *«Исправьте общество, и болезней не будет»*, говорит он Одинцовой. Ранее, на вопрос Павла Петровича, собирается ли Базаров действовать, тот загадочно молчит, лишь убеждая своего оппонента, что действовать он и его единомышленники действительно собираются. А вот уже свидетельство посерьезнее. Базаров говорит Аркадию: *«Ты, брат, глуп еще, я вижу. Ситниковы нам необходимы. Мне, пойми ты это, мне нужны подобные олухи. Не богам же, в самом деле, горшки обжигать!..»* Тут явно намек на какую-то замышляемую движуху, причем действовать Базаров предполагает не своими руками, а с помощью полезных идиотов, оболваненных простаков, пушечного мяса. Современным молодым людям тут есть о чем задуматься. Как, кстати, задумался и Аркадий Кирсанов: *«Мы, стало быть, с тобой боги? То есть - ты бог, а олух уж не я ли?»* И тут еще уместно вспомнить слова Кати, сказанные Аркадию про Базарова: *«Он хищный, а мы с тобой ручные».* И, наконец, прощаясь с Кирсановым, Базаров говорит уже открыто: *«В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор. Для нашего дела это не годится. Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь - и уж воображаете себя молодцами, - а* ***мы драться хотим****. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает, да ты и не дорос до нас, ты невольно любуешься собою, тебе приятно самого себя бранить, а нам это скучно - нам других подавай!* ***Нам других ломать надо****!»*

Объяснение Базарова с Анной Одинцовой

Тем не менее, по-моему, никакой Базаров не потенциальный революционер, и прав его вечный идейный оппонент Павел Петрович, сказавший ему: *«Не так же ли вы болтаете, как и все?»* Базаров, конечно, вскинулся, что нет, *«чем другим, а этим грехом не грешны»*, но я что-то ему не верю.

Не верю прежде всего потому, что у любого революционера, действующего ли, потенциального ли, должна быть серьезная мотивация. Чтобы «рушить до основанья, а затем», нужно очень сильно этого «затем» хотеть, нужен некий положительный идеал, которого с помощью революции предполагается достичь. И вот тут, если внимательно посмотреть на Базарова, увидим, что никакого такого идеала у него нет. Людей он не очень-то любит, страдания простого народа его не особо напрягают, ужасы крепостничества не отвращают: *«Черт меня дернул сегодня подразнить отца: он на днях велел высечь одного своего оброчного мужика - и очень хорошо сделал. Да, да, не гляди на меня с таким ужасом, - очень хорошо сделал, потому что вор и пьяница он страшнейший...»* Безотносительно оценки этой экзекуции - может ли человек с такими взглядами мечтать о ниспровержении крепостного права?

Да, бывает и так, что человека в революцию тянет просто потому, что тянет подраться, без всяких высоких целей. Раззудись, плечо, размахнись, рука... Но и этого в Базарове нет, он циничен, но не особо агрессивен. Тогда зачем ему это самое «наше дело»?

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

Словом, перед нами - фейковый революционер. Болтун, который реально ничего не замышляет, а только любит побазарить. Таких пламенных революционеров сейчас пол-фейсбука...

ОН НАСТОЯЩИЙ?

Рискну выдвинуть гипотезу: Базаров вообще не самый типичный представитель нигилизма, хотя, со слов самого Тургенева, у него и были реальные прототипы - врачи Дмитриев и Якушкин, да и в своих рабочих материалах к роману Тургенев проводит параллели и с более известными людьми, например, Николаем Добролюбовым.

Однако большинство реальных нигилистов той эпохи были совсем другими. Как правило, это были пылкие молодые люди, мечтающие о «счастье для всех, даром, и чтобы никто не ушел обиженным», наивные идеалисты, которые впоследствии либо ожесточились и стали реальными революционерами-террористами (нечаевцы, народовольцы), либо повзрослели и начали цинично выстраивать свои карьеры и состояния. Вирус нигилизма в них мутировал, они действительно отринули «принсипы», то есть общественную мораль, заповеди религии, но, не особо афишируя свою беспринципность, стали действовать с умом - и превратились в новую политическую элиту. Такое превращение, кстати, блестяще показал Николай Лесков в романе «На ножах». Не все, конечно (взять того же Добролюбова), но многие. И если вновь проводить параллели с современностью - мы легко увидим тех акул бизнеса и политики, которые на рубеже 80-90-х годов были демократически настроенными юношами со взорами горящими.

Если моя догадка верна, то как объяснить непохожесть Базарова на реальных нигилистов? Может быть, Тургенев их

Базаров за работой

вообще не слишком знал, не особо соприкасался с их кругом? Но эпизодические фигуры Ситникова и Кукшиной, либералов местного разлива, показаны вполне по-лесковски. Да и Аркадий Кирсанов, тоже позиционировавший себя нигилистом, в общем, выглядит вполне жизненно.

А может, Тургеневу интереснее был даже не сам этот искусственно сконструированный Базаров, а реакции других героев на него? И тогда Базаров - лакмусовая бумажка, способ раскрыть такие реально значимые для Тургенева человеческие типы, как старшие Кирсановы, как Одинцова... наконец, как родители Базарова?

Признаюсь, у меня нет ответа. Я не настолько хорошо знаком с жизнью и творчеством Тургенева. Об этом лучше узнать у специалистов, но на гипотезу-то я право имею?

ПРО «ГЛУБИННЫЙ НАРОД»

Это выражение, «глубинный народ» - из фантастического романа Дмитрия Быкова «ЖД». Глубинный народ - это население, автохтоны, занятые своей жизнью, а не решением мировых проблем, которыми озабочена интеллектуальная элита - как условно глобалистская, так и условно патриотическая.

Так вот, в «Отцах и детях» поставлена (и не решена) действительно очень важная проблема: а способны ли разные сословия (страты, тусовки и так далее) понимать друг друга, способны ли они вообще говорить на одном языке? Применительно к эпохе «Отцов и детей» это дворяне и крестьяне, применительно к нашим реалиям - это условные хипстеры и условные гопники. Поскольку и те, и другие составляют народ, то без взаимопонимания между ними, без разумных компромиссов народ обречен тратить свои силы впустую. Но возможно ли такое взаимопонимание?

Вот Базаров. Он в разговоре с Аркадием упрекает его отца, Николая Петровича Кирсанова, что тот не понимает русского мужика: *«И добрые мужички надуют твоего отца всенепременно. Знаешь поговорку: «Русский мужик бога слопает»*. При этом сам Базаров, казалось бы, мужика понимает и видит насквозь, об этом нам сообщает автор: *«Слуги также привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки свой брат, не барин»*. В чем выражается это понимание? В том, что дворовые мальчишки охотно помогают ему ловить лягушек для опытов, в том, что на него засматривается горничная Дуняша.

Но вот Базаров пытается развести крепостного своего отца на спор о судьбах России. И... *«Увы! презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового»*.

Так что же? Взаимопонимание невозможно? Мне кажется, ошибка (если не сказать, глупость) Базарова в том, что он, вступая в общение с людьми, игнорирует контекст, игнорирует социальную, культурную разницу между ними. Вот он пристает к крепостному своего отца и требует от него ответа на вопрос: *«Ну, - говорил он ему, - излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнется новая эпоха в истории, - вы нам дадите и язык настоящий, и законы»*. А для мужика эти понятия - «эпоха», «история», «будущность» - чужие, малопонятные, барские. Кроме того, мужик приучен многовековым коллективным опытом, что всерьез говорить с барином нельзя, что барину нужно льстить и потакать: *«...известно, господская воля, потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику...»* Ну вот как можно всерьез говорить с человеком, чьему отцу ты принадлежишь как вещь и который в свое время унаследует тебя? Который в любой момент может выдрать тебя на конюшне? Если уж гиперболизировать, это все равно что в нацистском концлагере эсэсовец-интеллигент зайдет в барак и заведет с заключенными разговор о поэзии и философии.

Умница Базаров этого, конечно, не понимает. А не понимает, кстати, потому, что он по-своему аристократичен. Аристократизм его выражается в том, что он автоматически ставит себя выше мужика, заставляет того подстраиваться под свою систему понятий, навязывает ему свой, как сказали бы философы, дискурс. Чем этот формат аристократизма лучше того, что защищает Павел Петрович Кирсанов?

А ведь взаимопонимание возможно - что доказывают такие фигуры в отечественной истории и литературе, как Николай Лесков, Владимир Короленко, Владимир Гиляровский. Для этого всего лишь надо не гнуть пальцы, не смотреть на простой народ свысока, равно как и не обожествлять его (намекаю на Платона Каратаева из «Войны и мира» Льва Толстого). Надо знать его проблемы, надо видеть его недостатки, надо учиться выделять из социального общечеловеческое. Но это трудно и долго.

В нашем современном российском обществе - ровно та же проблема. Одна часть общества обзывает другую «ватниками» и «анчоусами», другая обзывает первую «пятой колонной» и «либерастами», и ни та, ни другая не хочет видеть в социально и культурно чуждых им людях именно что людей, имеющих тот же образ Божий, что и в тебе.

Одинцова у постели умирающего Базарова

КОНФЛИКТ «ОТЦОВ» И «ДЕТЕЙ»

В школьной программе, во всяком случае, в мое время, на это делался основной упор. Предполагалось, что «дети» прогрессивнее «отцов», что «отцы» застряли в прошлой эпохе и не способны осмыслить новое время...

Что тут сказать? Ну да, есть такой конфликт, и вещь это совершенно естественная - причем не только по тем психологическим причинам, о которых я уже писал. Другая причина - социальная: жизнь все-таки меняется, и каждое новое поколение формируется в несколько иных условиях, нежели прежнее. Поэтому «отцы» плохо понимают мышление «детей» (а к тому же еще и плохо помнят, какими сами были в молодости), «дети» же, в силу юношеского максимализма и нехватки жизненного опыта, плохо понимают мышление «отцов». Так было и до середины XIX века, и после, и сейчас есть, и всегда будет, покуда существует человечество.

Но, вполне возможно, Тургенев был тут первооткрывателем. Во всяком случае, в русской литературе. И мало того, что он описал проблему - он еще и показал два неправильных решения этого конфликта со стороны «отцов».

Первое, самое лобовое решение - это, подобно Павлу Петровичу Кирсанову, ругать молодежь за то, что испортилась, за то, что не дотягивает до принципов старшего поколения. Второе, подобно отцу Базарова, Василию Ивановичу, лебезить перед «сыновьями», подстраиваться под них, изменять своим принципам. Глупо смотрится Павел Петрович, жалко смотрится Василий Иванович.

Кстати, острота этого конфликта во времена Тургенева была куда меньшей, чем сейчас, потому что сейчас жизнь меняется гораздо быстрее. Меняется экономическая структура, меняется политическая система, меняется как массовая, так и элитарная культура, меняется наука - причем все это на протяжении жизни одного поколения. Нынешние «дети» гораздо сильнее отличаются от своих «отцов», чем, скажем, тридцать лет назад. Глядя из сегодняшнего дня, 20-е годы XIX века (юность старших Кирсановых) практически ничем не отличается от 50-х годов (юность Базарова и Кирсанова-младшего).

Но конфликт поколений - это вовсе не обязательно конфликт идей. Идейные конфликты в том же XIX веке как раз происходили в среде одного и того же поколения (прежде всего, это противостояние западников и славянофилов - людей примерно одного и того же возраста, социального круга, образования). Возрастной конфликт может маскироваться под идейный, но причина такой маскировки - как правило, чисто психологическая.

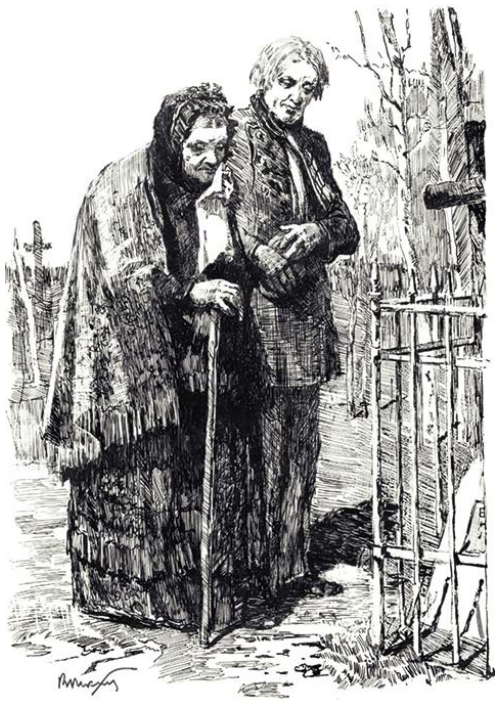
ЛИРИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

За всеми этими разговорами как-то затерялось, что «Отцы и дети» - это, помимо всего прочего, еще и роман о любви. Кирсанов-старший любит Фенечку, но боится вступить в брак, поскольку это в глазах брата может выглядеть предосудительно. Брат, Павел Петрович, тоже любит Фенечку, но боится это показать, поскольку это в его собственных глазах выглядит предосудительно. Базаров влюбляется в Одинцову, но долго боится в этом признаться, поскольку слишком горд для этого. Одинцова тоже любит Базарова, но боится принять его любовь, так как слишком дорожит спокойствием, а с этим человеком о спокойной жизни можно лишь мечтать. Кирсанов-младший сперва влюбляется в Одинцову, потом в ее сестру Катю.

Наверное, старшекласснику эти любовные узлы интереснее, чем мне. На мой взгляд, все это очень, очень обыденно, универсально. Зачем оно нужно было Тургеневу? Может, из соображений приличия? Ну какой же роман, в самом деле, без этого? А может, весь этот любовный многоугольник подгонялся к тому, чтобы показать: Базаров живой человек и ничто человеческое ему не чуждо. Он страдает, он стесняется, он ревнует, он тоскует. Добавляет ли это что-то к его образу? По-моему, только то, что как он ни пыжится изобразить из себя железного человека, рыцаря без страха и упрека, а не дотягивает. И слава Богу, что не дотягивает. Иначе выглядел бы каким-то Чужим или Хищником.

ЛОПУХ НА МОГИЛЕ

Честно признаюсь: на мой взгляд, в художественном отношении «Отцы и дети» не самое сильное произведение Тургенева. Слишком уж много тут публицистики. Тем не менее ближе к финалу романа художественная составляющая усиливается. Я имею в виду возвращение Базарова в родительский дом и смерть от заражения крови. Эмоциональный накал тут мощный, и мне безумно жалко не самого Базарова, а его родителей. Их вообще на протяжении всего текста жалко, потому что они безумно любят сына и потому что он не способен воспринять их



На могиле сына

любовь и ответить на нее. Назвать его «чёрствым» - это ничего не сказать. Когда я перечитывал гоголевского «Тараса Бульбу», меня сильно зацепило отношение Тараса и его сыновей к жене и, соответственно, маме. Но там это хотя бы можно было объяснить тогдашними нравами, условностями. А Евгений наш Базаров - он же выше условностей, он же ведет себя *естественно*.

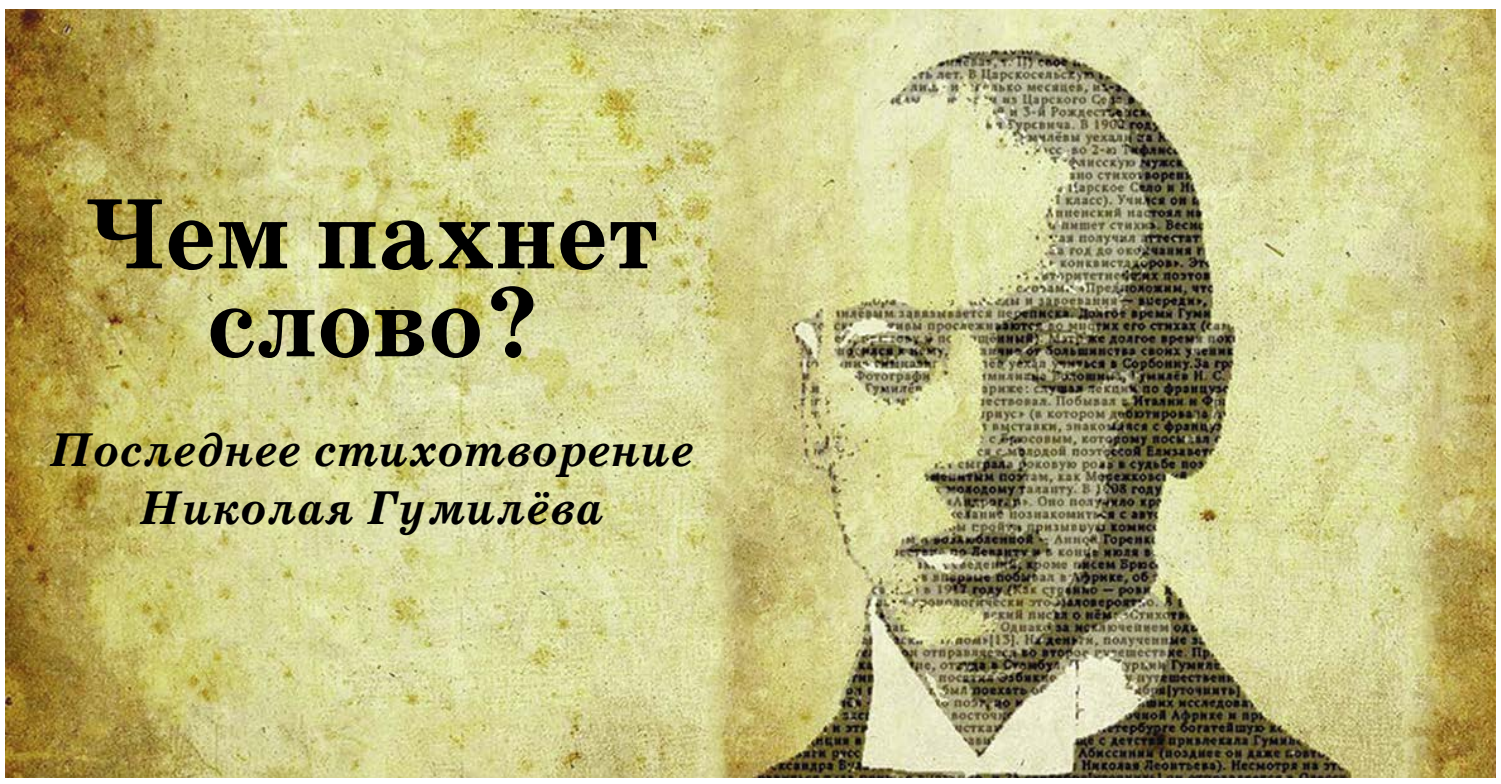
Не берусь утверждать, что он вообще не любит родителей, но вот что не умеет (да и не хочет) отвечать на их любовь - это факт, это сплошь и рядом рассыпано по тексту. Что тому причиной - непомерная ли его гордыня (которую автор то и дело специально подчеркивает), эмоциональная ли глухота - судить не берусь. Но вот что это не надумано, что это бывает - это факт. Факт жизни каждого из нас. Мы часто принимаем чужую любовь как нечто естественное, она нас иногда даже несколько напрягает, но ответить своей любовью не можем. Или не умеем. Или не хотим. А потом бывает поздно.

И тогда на могиле вырастает лопух.ф*.

Виталий КАПЛАН

Иллюстрации к роману И.С. Тургенева «Отцы и дети» В.В. Токарева (1955 г.) из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева.

** - по материалам журнала «Фома».*



Чем пахнет слово?

Последнее стихотворение Николая Гумилёва

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это - Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Стихотворение написано в Петрограде в 1919 году. Монархия низвержена, Временное правительство тоже, Учредительное собрание разогнано. В стране к власти пришли большевики во главе с Лениным, второй год бушует Гражданская война, и кто в ней окажется победителем, еще неясно. На территории, подконтрольной большевикам, действует политика военного коммунизма, развязан террор, жертвами которого оказываются не только активные противники советской власти, но и обычные люди, имеющие «подозрительное» социальное происхождение: дворяне, купцы, духовенство, бывшие офицеры царской армии, чиновники и так далее.

Петроград, 1919 г.

Подвергается гонениям Православная Церковь, поскольку в ней большевики, убежденные атеисты, видят своего наиболее последовательного идейного противника. Активно насаждается атеизм, открытое исповедание своей веры становится смертельно опасным.

АВТОР

Автор «Слова» - поэт Николай Гумилёв, к моменту написания стихотворения он широко известен в России, у него вышло немало поэтических сборников.

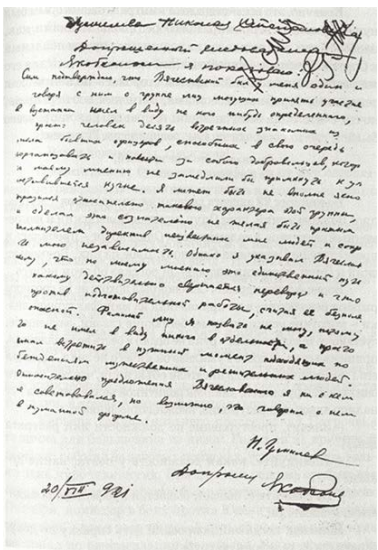
Николай Гумилев. Фотография М.С. Наппельбаума, 1918 год

Революцию Гумилёв не принял и со всем патриотическим воодушевлением заявляет, что он - монархист. Поэт читает революционным матросам поэтические строки о «портрете государя», никогда не отказывается от своих взглядов, но публично против советской власти не выступает. Веря в то, что Россия все-таки встанет на истинный путь, Гумилёв занимается самым главным своим делом - литературой. Он читает лекции, руководит поэтическими кружками, переводит и подчас ведет себя абсолютно аполитично:

Вы знаете, что я не красный,
Но и не белый - я поэт!

К.И. Чуковский пишет об еще одной опасной «привычке» Гумилёва: «Он совсем особенно крестился перед церквами. Во время самого любопытного разговора вдруг прерывал себя на полуслове, крестился и, закончив это дело, продолжал прерванную фразу».

В августе 1921 года Гумилёв был арестован в Петрограде. Чекисты обвинили его в участии в контрреволюционном офицерском заговоре и расстреляли. В тюремную камеру Гумилёв взял с собой две книги: Евангелие и «Илиаду» Гомера.

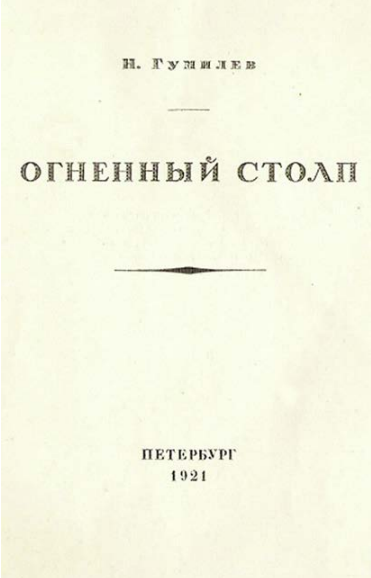


«Фамилии лиц я назвать не могу...» Собственноручные показания Н.С. Гумилёва от 20 августа 1921 года

Один из очевидцев рассказывал о том, как держался Гумилёв перед расстрелом: «Этот ваш Гумилев… Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете. Шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докуривал папиросу… Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж - свалял дурака. Не лез бы в контру, шел бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны».

О ПРОИЗВЕДЕНИИ

«Слово» всегда признавалось программным стихотворением Гумилёва, последним и наиболее громким возгласом поэта. Известный издатель, поэт и переводчик начала XX в. Николай Оцуп писал, что именно это стихотворение «звучит как церковный колокол, утром изгоняющий ночных бесов».



Сборник стихов Гумилева «Огненный столп» (1921 г.) вышел из печати уже после того, как поэт был расстрелян

«Слово» - одно из самых известных и цитируемых произведений Н.С. Гумилёва (наряду с «Жирафом» и «Заблудившимся трамваем»). Оно было опубликовано в 1921 году в сборнике «Огненный столп», который вышел из печати уже после того, как Гумилёв был расстрелян.

Стихотворение в образной форме говорит о том, что потеря веры в Бога обесценивает и обессмысливает жизнь, что безбожие губительно, что отказ от веры ведет к распаду самих основ бытия, к смерти духовной.

ОТСЫЛКИ К БИБЛИИ

Для того чтобы продемонстрировать былую власть слова над миром, Гумилёв пишет, что оно было способно остановить солнце и разрушить города. Эти образы не случайны.

Когда и где в библейском тексте было остановлено солнце?

Сюжет об остановке солнца находится в ветхозаветной Книге Иисуса Навина. Он связан с историей завоевания израильским народом земли обетованной - с битвой с аморрейскими царями. Иисус воззвал к Богу, и по воле Господа было остановлено солнце: *»И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: «стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день?»* (Нав. 10:13-14). Слово здесь, как и в тексте Гумилева, - орудие воли Всевышнего.

Где в Библии «словом разрушали города»?

Эта строка Гумилёва снова отсылает к эпизоду из книги Иисуса Навина. Когда израильский народ входил в обетованную землю, на его пути встал укрепленный город - Иерихон. Для того чтобы его сокрушить, народ обходил вокруг стен города и трубил в трубы: *«Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом, и обрушилась стена города до своего основания»* (Нав. 6:19).

Образ труб («трубного гласа») также встречается в Откровении Иоанна Богослова как обязательный атрибут Ангелов Апокалипсиса.

Страшный суд, Виктор Васнецов (фрагмент). 1904

ЧТО ТАКОЕ «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»?

Стихотворение «Слово» входит в последний поэтический сборник Гумилёва «Огненный столп» (1921 год). Само название сборника указывает на религиозные аллюзии.

В Библии «огненный столп» встречается в книге Исход: *«И двинулись сыны Израилевы из Сокхофа и расположились станом в Ефаме. Господь же шел пред ними в столпе огненном, светящем, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп огненный и столп облачный от лица народа»* (Исход 13:20-22).

Этот же образ присутствует в Апокалипсисе: *«Видел я Ангела [...], сходившего с неба [...], и лицо его как солнце, и ноги как столпы огненные»* (Откр. 10:1).

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО…» - ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ ГУМИЛЁВ?

«И в Евангелии от Иоанна II Сказано, что Слово это - Бог». Эти гумилёвские строки - прямая отсылка к одной из самых известных новозаветных цитат: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Иоан. 1:1). Согласно христианскому вероучению, Бог троичен, и одна из ипостасей Пресвятой Троицы - Бог-Сын, также именуется и Богом-Словом (Логосом по-гречески)».

Христос. Автор: Наталья Гончарова. Рисунок с дарственной надписью Н.С. Гумилёву.

ЧТО ТАКОЕ «УМНОЕ ЧИСЛО»?

В «Слове» Гумилёва показано противопоставление слова и числа. В этом отрывке замена слов числом знаменует несчастливое событие: все те «оттенки смысла», которые передает «умное число», оказываются теперь более важными, чем созидательная сила слова. Та живая сила, божественный звук, однажды потрясший стены города, сменяется немым, недвижимым числом.

Образ седого патриарха, который молча чертит на песке число, восходит к образу Пифагора или, как отмечают некоторые исследователи, пророка Моисея, жизнь которого описана в ветхозаветной Книге Чисел.

ЧЕМ ЖЕ ПАХНЕТ СЛОВО?

Образ мертвых, дурно пахнущих слов указывает на мифологические представления, согласно которым благоухание является знаком блаженства, а дурной запах - знаком смерти, зла.

Гумилёв имеет в виду, что в современном мире слова утратили свою священную (сакральную) силу.

Он сопоставляет былое Божественное слово с обыкновенными словами, которые оказываются «мертвыми».

Непонятные слова:

Оный (устар.) - тот, тот самый.

Осиянный (устар. высок.) - озаренный, освещенный.

Подъяремный (устар.) - находящийся в порабощении у кого-то, под ярмом. У самого же слова «ярмо» два значения: 1) деревянный хомут для рогатого скота; 2) бремя, тяжесть.

Патриарх - изначально это слово означало главу рода, большой семьи. Именно в этом смысле оно и употреблено в стихотворении.ф.

Единство поколений

Лестева Татьяна Михайловна - писатель и журналист из Санкт-Петербурга. Главный редактор журнала «На русских просторах». В книге «Единство поколений: сборник рецензий и интервью. СПб, СПб ООК «Аврора». Библиотека журнала «На русских просторах», 2022, 416 с., с илл.» размещен очерк о В.Я. Курбатове.

ВСПОМИНАЯ ВАЛЕНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА КУРБАТОВА

С Валентином Яковлевичем Курбатовым я познакомилась в апреле 2011 года. В Псковской областной библиотеке проходил форум «Русский Запад» - встреча издателей с библиотечными работниками и читателями, презентации последних выпусков журналов. На этот форум был приглашен главный редактор журнала «Аврора» Валерий Васильевич Новичков и я, выпускавшая в то время еще альманах «На русских просторах», в августе этого же года он был зарегистрирован как журнал. В последнем номере альманаха были опубликованы воспоминания псковского ветерана ВОВ Виктора Георгиевича Клименко, советского разведчика, в 18 лет оставившего своё имя на рейхстаге «Витёк Клименко».

Восьмидесятитрехлетнего ветерана пригласили на презентацию моего альманаха. Валентин Яковлевич вел эту встречу.

В.Г. Клименко рассказал об одном эпизоде из своей военной жизни. После лечения в госпитале в Горьковской области, когда он был на сборном пункте перед отправкой на фронт, солдат построили. Их было человек двести. Перед ними выступила на английском языке женщина в шубке, которая обошла весь строй и каждому вручила пакет с шерстяными носками, рукавицами и т. д., при этом сказала, что дарит каждому из них также отрез шерсти, из которого им будет сшита форма - гимнастерка и брюки. Когда она подошла к Клименко, то поцеловала юного солдата в щеку. Солдаты говорили, что это была миссис Черчилль. Виктор Георгиевич просил присутствующих журналистов узнать, была ли это действительно миссис Черчилль. Я его просьбу выполнила, написав небольшой очерк «Подарок Клементины Черчилль советскому разведчику». Четыре года спустя, когда у меня вышла книга очерков «Боль и память», включила в нее и этот рассказ, сопроводив его фотографией с псковской презентации, где за столом президиума сидят В.Я. Курбатов, В.Г. Клименко, а я рассказываю об альманахе.

Валентин Яковлевич в это время активно сотрудничал с нами, публикуя в «Аврере» свой «Подорожник». Книгу «Боль и память» я отправила ему вместе с вышедшими журналами в Псков и через несколько дней по электронной почте получила от него вот это письмо.

«Суббота, 2 мая 2015, 12.35 +03.00 от Курбатов В.Я.:

Спасибо, Татьяна Михайловна!

Журналы и «Боль и память» получил. И по-человечески понимаю, почему Вы мне их прислали: каждому из нас (и это так естественно) хочется подтверждения своего существования в мире - ведь так нетрудно написать несколько слов в журнале, газете. Тем более что и журналы, и, особенно, книга полны живой боли и общей памяти, а мы всё клянёмся, что помним и любим.

Ну, и обрадуйся, прочти, скажи - ведь тут жизнь, жизнь!

Ах, сколько я и сам, грешный, ждал, что чья-нибудь душа откликнется на мои книжки об Астафьеве, Распутине, Пришвине, на книги дневников. И вот уже оглядываю книжки и, грустно признаться, не могу даже сказать следом за Александр Сергеичем: «Прощайте, друзья мои!», потому что они уж и не друзья, а плюсквамперфект. Время летит так скоро, что уже и утром вышедшая книжка к обеду успевает состариться. Хотя на глубине-то время, слава Богу, неторопливо, и, коли жизнь еще продлится, человек, наткнувшийся на наши книги через столетие, перелистнет (если не забудет, как читаются бумажные книги) и хмыкнет: «Смотри-ка, старики тоже что-то понимали…»

В.Я. Курбатов, В.Г. Клименко, Т.М. Лестева. Апрель 2011 г.

Но причина того, что промолчу, проще. К сожалению, я уже скоро семь лет член жюри Премии «Ясная Поляна». Рвусь вон, но Толстой не пускает, как раз из-за того, что в отличие от умных коллег читаю все, что присылают.

И оттого уже несколько лет не пишу ничего своего. В этом году соискателей около ста двадцати (сорок иностранных и восемь десятков своих). И самый скромный в четыреста страниц, а бывают и по семьсот и по тысяче.

И ведь тоже это жизнь, жизнь! И каждый представляющий книгу на соискание ждёт полноты сопереживания. А ведь даже если только просто читать по книжке в день (по пятьсот - в среднем - страниц в день), то и так выйдет треть года. Какое уж тут другое чтение. И тем более, какое писание своего.

Простите за это невольное признание, больше похожее на плач, но мне, правда, нет-нет становится жалко своей жизни, ведь она была, была. И в ней были какие-то события, кроме чтения чужих книг.

А вот доказать своего существования я уже не могу.

Спасибо за книги. Все-таки ведь заглянул и даже успел пережить одну из судеб, когда в «Боли и памяти» несчастный человек кричит из камеры, что сходит с ума и просит выслушать, пока этот ум ещё не вовсе оставил его.

Ведь тут, кажется, и мертвый встанет и выслушает. А вот нет. Пока для меня это самый (так в тексте - Т. Л.) страшный «потрет времени».

И он уже не забудется.

Спасибо. И простите.

С искренней благодарностью (без фигур красноречия)

В. Курбатов».

Я была потрясена этим письмом, переполненным горечью о своей жизни, и тотчас же ответила ему.

Уважаемый Валентин Яковлевич!

Благодарю за ответ. У меня даже в мыслях не было, что Вы напишете рецензию на эту книгу. Просто в «Боли и памяти» есть Ваша фотография, когда еще при Новичкове у нас была презентация журнала в библиотеке Пскова. Я подумала, что Вам будет приятно увидеть её. А журналы - для сведения. Авторские экземпляры «Авроры» с фрагментами Вашего «Подорожника», надеюсь, Вам высылают. Если нет, напомню в редакции. А тайная мысль в посылке с моей стороны, признаюсь, была: если у Вас будет желание что-нибудь опубликовать и в журнале «На русских просторах», сочту за честь. Правда, боюсь, что без гонорара. Я выпускала этот журнал за счет собственных средств и помощи коллег по институту. Институт пал под натиском рейдеров. В прошлом году Комитет по печати выделил нам грант, а в этом году кризис ударил по литературе в год литературы: деньги на гранты срезали в четыре раза, пока решение не принято, шансов мало, но надежда, как известно…

А журналы издам в любом случае.

Еще раз бесконечная благодарность за ответ.

С пожеланием здоровья и искреннего уважения

Т. Лестева.

Переписка продолжилась.

Простите, Татьяна Михайловна, что так узко истолковал Ваш привет с журналами и книгой. «Пуганая ворона». Порою неизвестные авторы присылают свои книги с такой лестной надписью, что сразу хочется с глаз долой убрать, не раскрывая.

Готовлюсь сейчас к Празднику фронтовой поэзии в сельце Борки под Великими Луками, который затеял вот уже 30 лет назад последний Ленинский лауреат Иван Васильев. Вот уж двадцать лет Ивана Афанасьевича нет, и я потихоньку продолжаю вести Праздник.

Еще раз открыл Вашу «Боль и память» и сам тотчас вспомнил тот постыдный парад с речью господина Медведева. А только сердце уж давно окаменело, еще с 93 года, когда на Поклонной горе проходил самый «толерантный» парад, где уж мы были чуть не на восьмых ролях, и моя подруга (теперь уже покойная) Таня Глушкова писала:

«Парад позора! Не моим глазам
Глядеть, не моему склоняться сердцу…
Я прокляну тебя, тевтонский меч
Замоскворецким языком просвирен.
Мой скорбный дух не сломлен
и не смирен,
Пусть даже голова скатилась с плеч».

А на Празднике прочитаю её другое:

«Земных побед - как дыма -
привкус горький,
Срам поражений, мороки измен
Смахнет плащом сверкающий Георгий,
Прогонит прочь от этих красных стен.
И потекут столетья жизни новой -
В лучах неугасающего дня…
Но свеж тот след, впечатанный
подковой
Танцующего белого коня».

И вспомню и Вашу боль, и Вашу память, и маршала Жукова. И, по счастью, виданных мною вживе Конева и Рокоссовского.

Нашел вот нашу с Новичковым карточку, которую Толя Пантелеев сделал в той поездке.

Благодарю Вас и еще раз простите.

А писать уже давно ничего не пишу. Сердце умокло. (Так в письме - Т. Л.)

Ваш В. Курбатов».

Я ответила:

Здоровья Вам, Валентин Яковлевич. Огромное спасибо за фотографию, напечатаю ее, отдам в редакцию.

С днем Великой Победы! И успехов в проведении Праздника в Борках. Кстати, на презентации последнего номера журнала встала бывшая актриса ТЮЗа (она опубликовала в журнале воспоминания об Одоевцевой) и прочитала стихотворение Татьяны Глушковой «Генералиссимус» под аплодисменты.

Татьяна Глушкова

ГЕНЕРАЛИССИМУС

Он не для вас, он для Шекспира,
для Пушкина, Карамзина,
былой властитель полумира,
чья сыть, чья мантия - красна…
Чей белый китель так сверкает,
как в небе облачко - в тот час,
когда Спаситель воскресает
и смотрит ласково на нас…
И вот уже отверсты храмы,
и Лета Многая поют
тому, чья смерть - не за горами,
кого предательски убьют.
И он, пожав земную славу,
один, придя на Страшный Суд,
попросит: «В ад!..
Мою державу
туда стервятники несут…»

Еще раз большое Вам спасибо за ответ и фотографию.

Т. Лестева.

А вот еще одно коротенькое письмо. В журнале «На русских просторах» № 3(42)-2020 был опубликован рассказ «Старый казак» Петра Чахотина, русского художника с российско-французским гражданством, который живет то в Европе, то в древнерусском Угличе. Пандемийное время, нарушены все связи, даже с почтой проблемы. Но художник надеется приехать к новому году в Россию, в том числе и для того, чтобы подарить журнал с его дебютным рассказом В.Я. Курбатову. Карантин, поездка проблематична. Спрашивает меня в письме, не могла бы я переслать журнал Валентину Яковлевичу. Отвечаю, что, конечно, смогу. Пишу коротенькую записочку Валентину Яковлевичу, отправляю бандероль. И снова моментальный ответ по электронной почте:

«20.11.2020

Спасибо, дорогая Татьяна Михайловна, за превосходный номер «Русских просторов».

Подлинно - простор! - видать и старое привычное с неожиданной стороны и во все концы, хоть про Твардовского, и Голлербаха, и Рене Герра, с которым мы водили дружбу во время его приездов в «Ясную Поляну».

И спасибо за Петра Чахотина. Он уже десять раз спрашивал: получил ли я журнал. Сейчас пойду, успокою.

Сам все больше брюзжу на нынешнюю матушку-литературу (чай, 81 год - че еще делать старику, как не брюзжать?)

А вот откроешь такой номер и опять видишь, что жизнь не останавливается, а идет себе да идет и не роняет себя.

Спасибо. С благодарностью вспоминаю наше недолгое гостевание в Михайловском с «Авророй».

Ваш В. Курбатов».

Я храню эти письма. Но в наши дни, когда не стало Валентина Яковлевича, каждая написанная им строчка становится историей… Очередная боль… И неизменная память.

Санкт-Петербург, 20 марта, 2021 год

Подготовил **А.Б. КАНАВЩИКОВ**

В детском альманахе-раскраске

Издательство «Четыре» (Санкт-Петербург) запустило недавно новый яркий и очень полезный проект: развивающее пособие для детей, литературную альманах-раскраску «Веселый апельсин». Увидело свет уже четыре выпуска раскраски: с поэтическими и прозаическими произведениями.

Издание строится по принципу «Читай и раскрашивай». А на каждую страницу текста дается иллюстрация. Как утверждает издательство: «Давайте оторвем детей от телефонов и компьютеров и дадим возможность почитать чудесную книгу вместе с родителями, а потом раскрасить чудесные добрые картинки! Создадим для наших главных читателей новую вселенную раскрасок в одноименной книжной серии издательства!».

В поэтическом выпуске раскраски размещена поэма для детей «Жар-птица» Татьяны Лапко (Великие Луки). Татьяна Михайловна - член Союза писателей России, лауреат Всероссийского конкурса им. П.П. Ершова, обладатель первого места во Всероссийском конкурсе, посвященном 140-летию со дня рождения К.И. Чуковского.

Издательство оценило добрую и поучительную сказку великолучанки. Предлагаем сделать это и ее землякам.

Татьяна ЛАПКО

ЖАР-ПТИЦА

Прилетела к нам Жар-птица,
На все лапки мастерица.
Кто б подумать только мог,
Свила птичий теремок.

Чтоб в светёлке было сухо,
Утеплила стены пухом,
Всё прибрала, а потом
Разукрасила пером.

Чистит пёрышки Жар-птица,
И слипаются ресницы.
Закрывает ей окно
Штор прозрачных полотно.

Но в слепящем лунном свете
Теремок, как днём, заметен,
Виден он за десять миль,
Звёзды украшают шпиль.

Дремлет в теремке Жар-птица,
Вдруг в окно стучит синица
Энергично и упруго:
- Открывай скорей, подруга.

Нам не страшен вьюги вой,
Холода и снег зимой,
Если посреди зимы
Теремок тот встретим мы.

В теремок во все оконца
Любопытно светит солнце,
И сияет теремок,
Словно сказочный цветок.

Постучала в дом синица,
Пробудилась вмиг Жар-птица
И на кухне у плиты
Кекс печёт без суеты.

Вмиг салат из рыбьей каши
Для гостей зерном украшен,
Вмиг поспел душистый чай
С мятой. Будто невзначай

Ароматно пахнет пиццей
Из гостиной у Жар-птицы.
Отворилась створка-дверь,
Поспеши-ка, гость, быстрей.

Залетай скорей, синичка,
Будь добра, ты нам сестричка,
Рады здесь тебе всегда,
Умывайся, вот вода,

«Вот рушник, смотри, сестрица», -
Щедро щебетала птица
И синичке на розетку
Покрошила сыр с конфеткой.

Клюй гостинцы. Из дверей
Проскользнул к ним воробей
И чирикнул: «Чхи-хи-хи!
Вам Жар-птицам бы стихи

Петь под звёздами! Выходит,
Вы работаете, вроде?
Кем?! Кухаркой! - Не умно!
Мне, конечно, всё равно,

Но вороны и сороки,
Чей язык весьма жестокий,
Застрекочут, Вас, кухарку:
Так, что станет очень жарко».

И смутилась бы Жар-птица,
Но сметливая синица
Воробью и говорит:
- Клюв закрой, а то сквозит!

Дела нет до склочной стаи,
Птица здесь совсем другая.
У неё такой закон:
Добрым птицам всем поклон.

Снег скрипит, другая птица
В круг друзей попасть стремится.
Залетел на огонёк,
Красногрудый снегирёк!

В теремке всем светит солнце,
Чашки показали донца,
Выпит чай, шуршит зерно,
Голубок стучит в окно.

Натопорщенная шубка,
Рядом с голубем голубка.
Видят, в теремке уют,
Хорошо согреться тут.

Благородная Жар-птица
Благородством не кичится,
Приглашает на пирог,
Чтоб согреться каждый мог.

В теремке распелись птицы,
Как же им не веселиться?
Средь друзей ведь, как всегда,
Сладкой кажется вода.

Пусть достанется лишь крошка,
Пирога или горошка,
Понял быстро воробей:
- Здесь не страшен снеговей!

Будь ты дятел или сойка,
Даже мышка-землеройка,
Свой имея теремок,
Приглашай гостей, дружок.

Всех друзей, добрейших птиц,
Чтоб среди знакомых лиц
Не увидеть скучных мин,
Чтоб никто не был один!

Чтобы в сердце жило чудо
Мира светлого, чтоб всюду
Подрастали теремки
И в лесу, и у реки.

Расспросите у Жар-птицы,
У премудрой мастерицы,
Трудно ли построить дом,
Жить и радоваться в нём?!